

ЙИРЖИ ГАЗДА

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ И ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА

В последние годы в области лингвистической русистики появилось большое количество работ, посвященных языку средств массовой информации и общим проблемам современной публицистики. Повышенный интерес к этой проблематике вполне понятен. СМИ – это та языковая среда, в которой в наиболее полном объеме представлен литературный язык и его нормы, в них находят отражение процессы, связанные с изменением общества, влияющие на языковую норму и через нее на структуру языка в целом. Этот общеизвестный факт в русской среде подчеркивается еще и тем, что письменная форма речи активно влияет на устную, поскольку для большинства людей статусом нормы обладает только то, что написано. Поэтому неудивительно, что большинство исследований, в которых делается попытка определить основные тенденции развития современного русского языка, базируется в основном на анализе языка СМИ, причем внимание сосредоточивается прежде всего на семантическом, словообразовательном и стилистическом анализе лексики, как наиболее изменчивом уровне языковой системы.

Опираясь главным образом на новейшие синтезирующие работы А. Д. Дуличенко (1994) и Л. Ферм (1994) и учитывая результаты ряда частных исследований в этой области, в том числе и свои собственные наблюдения, мы хотим в настоящей статье попытаться определить характер процессов, происходящих в языке современной русской печати и, следовательно, в русском языке вообще, и указать отдельные конкретные сдвиги в области словообразования и словоупотребления как проявление более общих взаимосвязанных тенденций развития языковой системы с одной, и изменений речевого поведения с другой стороны.

Если напомнить общепринятый тезис о том, что развитие любого языка является результатом взаимодействия внеязыковых и внутриязыковых факторов, то почти во всех исследованиях по языку

русской публицистики последнего десятилетия по известным причинам делается ударение на решающей роли социальных, политических и экономических преобразований в существенных сдвигах речевого поведения и структуры русского языка в целом. Надо, однако, иметь в виду, что общественные изменения не всегда вызывают новые явления в языке, а чаще только ускоряют и интенсифицируют заложенные в самой системе языка тенденции и процессы, носящие характер не каких-то скачкообразных, а в основном эволюционных изменений, отмечаемых лингвистами также в прошлом. В связи с этим необходимо, по нашему мнению, сдержанно относиться также и к часто встречающимся сетованиям относительно «порчи» и «разрушения» русского языка, основывающимся главным образом на критике «засорения» языка вульгаризмами и ненужными заимствованиями. В этом отношении мы присоединяемся к мнению проф. Колесова, что «... развитие языка определяется противоречиями, возникающими между его системой, нормой как осознанной системностью и стилем как систематичностью в использовании языка. Развитие языка отражается в образцовых текстах, и если такие тексты не продуцируются данной эпохой, возникает предположение, что «язык разрушается», «язык портится». Это ошибочное, иллюзорное видение языка в его исторической перспективе смущает многие умы и вызывает раздражение пуристов, однако с точки зрения истории в этом временном нарушении нормы нет ничего страшного. Язык продолжает развиваться, но стили его нарушаются, поскольку разрушаются многие привычные каноны его употребления: ведь *функция есть содержание стилевых норм*, а распадение функциональных стилей создает впечатление порчи самого языка» (см. Колесов 1995). Другими словами, то, что в области речевого поведения носителей языка в данный момент его развития бросается в глаза как новое явление, в области языковой системы динамические тенденции, но вряд ли может существенным образом повлиять на изменение языковой системы в целом.

Итак, анализируя особенности словоупотребления и вообще языка современной русской публицистики, приходим к заключению, что в нем продолжают действовать три основные биполярные тенденции, отмеченные уже в половине 80-х годов: это тенденции к 1) динамике и устойчивости, 2) стандарту и экспрессии, 3) экономии и избыточности (см. Протченко – Черемисина 1986). Эти общие тенденции включают в себя ряд взаимосвязанных и перекрещивающихся по вертикали и горизонтали процессов, реализующихся в рамках особых отношений, которые можно условно назвать «корреляциями». По своей природе противоположные процессы образуют пары, полярность которых нейтрализуется в конечном счете в соответствующем акте коммуникации (см. Горалик 1989). Затем, в зависимости от воздействия внеязыковых факторов в разные периоды развития языка,

меняется только взаимное отношение связанных таким образом процессов, сказывающееся в большей или, наоборот, меньшей степени продуктивности данных языковых явлений.

Какие конкретные процессы, реализующиеся в рамках приведенных выше общих долговременных тенденций и отражающие взаимосвязь социального и системного, наблюдаются в языке современной русской публицистики?

1. В аспекте д и н а м и к и языковой системы наиболее заметным оказывается процесс, обозначаемый проф. Дуличенко как «смена лексических парадигм» и реализующийся в рамках корреляции актуализация (центризация) – пассивизация (периферизация), затрагивая при этом целые слои лексики. Под лексической парадигмой подразумевается совокупность лексем (лексическое поле), предназначенное для выражения предметов, отношений, свойств и т. д. какой-либо одной социальной сферы. В случае, что такие поля рассматриваются в диахронном плане, факт обнаружения их сменяемости в связи с социальными изменениями дает основание называть их парадигмами (см. Дуличенко 1994, 97-98).

Актуализация и пассивизация лексем проявляется в языке всегда. Интересным для рассматриваемого периода является именно то, что происходит актуализация целых пластов лексики. Слова и словосочетания, связанные с новым общественным строем и рыночной экономикой, входят в активный словарь носителей языка, а слова и словосочетания, которые связаны с «социалистическим выбором», уходят в пассив. Актуализация и пассивизация лексики – явления неодинаковой интенсивности и объема. Актуализация в новейший период происходит намного быстрее и затрагивает более обширные слои лексики, чем пассивизация, которая наблюдается сейчас в основном в общественно-политической, идеологической и той части экономической лексики, которая характеризовала социалистическую экономику (*герой труда, доска почета, комсомол, коммунизм, пионер, социализм, товарищеский суд; выполнение плана, хозрасчет, материальное стимулирование, хозяйственное управление, трудовой коллектив* и др.). В жизнь, наоборот, входят многие из забытых слов и целых слоев лексики. Сюда относятся, напр., морально-этическая и духовная лексика (*благотворительность, гуманизм, добро, добродетель, духовность, милосердие, человеколюбие, богослужение, молитва, священник, храм*), экономическая и политическая терминология (*акционерное общество, аренда, банкир, дивиденд, наемный труд, предпринимательство, рыночные цены; гражданская война, демократизация, деполитизация, Дума, европеизация, легитимность, суверенитет*), административно-территориальная лексика (*волость, поселок, уезд, старейшина, примэрия, префект, претор, претура, губернатор*) и выражения речевого этикета (*господин, госпожа, дамы и господа*).

Процесс актуализации и пассивизации происходит не только на количественном уровне «возвращения забытого» и «забывания ненужного», он напрямую связан со смысловыми сдвигами, проявляющимися в изменениях идеологических коннотаций или в переосмыслении номинации. Изменение идеологических коннотаций идет по двум основным направлениям: 1. слова и словосочетания с отрицательной оценочностью становятся нейтральными (*верующий, капитализм, коммерсант, конкуренция, миллионер, частник*), 2. слова с положительной оценочностью получают пренебрежительно-отрицательную или ироничную оценку (*большевик, коммунист, октябрь, плановый, социализм, советские люди, соцреализм*). Под переориентацией номинации мы, вместе с Л. Ферм, понимаем изменение в употреблении слов, при котором слова, обозначавшие раньше зарубежную или дореволюционную действительность, начинают употребляться для номинации российской действительности (*акционер, биржевик, концерн, свободные цены, приватизация, инфляция, монополия*). Оба процесса тесно взаимосвязаны, так как при перенесении западных и дореволюционных понятий на современную русскую почву изменялась одновременно оценочность многих из них (см. Ферм 1994, 21–32).

2. Что касается второй пары взаимосвязанных тенденций к стандарту и экспрессии, то в современной публицистике заметен сдвиг в сторону экспрессивизации речи, которая связана со «снятием языковых табу» (см. Дуличенко 1994, 145–157). В газетах новейшего периода четко выделяются два основных направления в употреблении лексики: это лавинообразное употребление с н и ж е н н о й лексики – от пейоративной до грубой, представленной просторечными словами, жаргонизмами и вулгаризмами (*брехня, влякать, дерьмо, жлоб, жратва, задница, засранец, наплевать, оболванивание, паскудство, похерить, трахаться*), и еще более лавинообразное употребление заимствованной и иноязычной лексики (*бизнесмен, брифинг, вице-президент, дилер, консенсус, ноу-хау, стикер, спонсор; имидж, казино, клип, тинейджер, отель, хэппенинг*). Эти тенденции на первый взгляд противоположны: употребление иностранных слов всегда считалось признаком книжности, начитанности, а употребление сниженной лексики характерно как для устной разговорной речи, так и для речи малообразованной. И все же лексика таких непохожих на вид групп существует сейчас не только в одной и той же статье, но даже в одном и том же предложении (см. Ферм 1994, 101). Смешение стилей, как уже было отмечено выше, стало не исключением, а, скорее, правилом. В случае иноязычных слов дело осложняется еще и тем, что заимствованные слова, замещающие первоначально слова высокого стиля, в сегодняшней речевой практике, прежде всего в жаргоне молодежи, превращаются в свою стилевую противоположность, так что появление иноязычного слова в тексте вовсе уже не является однозначным сигналом книжного стиля, а часто,

скорее, наоборот – знаком некультурного речевого поведения (*айзы, аскер, бэби, бэксайд, воркер, герла, драгстор, киллер, коледж, лайф, лейбл, мани, сайз, фак, флет, хайр, чилдрэн*).

Что касается употребления стилистически сниженной (субстандартной) лексики, то в языке газеты это феномен совершенно не новый, но качественно меняющийся в сторону большей вульгаризации. Объясняется это тем, что в последнем десятилетии потребность в экспрессивных средствах особенно велика, что и проявляется в невероятном количестве сниженных элементов на страницах газет. Это явление имеет свою социальную базу и может рассматриваться как реакция на долгие периоды государственного давления и цензуры. Фактически этому способствует то обстоятельство, что в настоящий период разгосударствления ослабевает сама нормотворческая функция государства: отменяется газетная цензура, становится менее строгой редакторская правка. Особенно большое место среди сниженной лексики занимает лексика с отрицательной эмоционально-экспрессивной окраской. Это, конечно, неудивительно. Перестроечные процессы в бывшем СССР, пусть даже половинчатые, привели все-таки к гласности, открытости и свободе слова де-факто. У журналистов появилась возможность наконец-то стать журналистами в прямом смысле этого слова и высказывать свое личное мнение по поводу различных фактов в жизни страны и за рубежом. Для создания специальных эмоционально-оценочных эффектов, которые требуются в определенном контексте, следовательно, привлекаются сниженные слои лексики, чем и достигается требуемый эффект: осуждение, неодобрение, ирония, презрение и т. п. (см. Ферм 1994, 112–113)

Экспрессивизация речи проявляется также в области словотворчества, во-первых, за счет появления ряда новых стилистически сниженных слов, образованных, напр., при помощи суффиксов *-ка, -ловка, -уха* (*запрещенка, растащилровка, развлекаловка, веселуха, развлекуха, порнуха, чернуха*), во-вторых, за счет массового употребления разного рода авторских новообразований, т. наз. окказионализмов, индивидуальных слов или же неологизмов контекста. Такие слова, за редким исключением, не осваиваются языком, не входят в словарный состав, а живут только в каком-то определенном тексте, будучи придуманы каким-то автором для специальных целей. Главная функция таких слов не номинативная, а экспрессивно-изобразительная и экспрессивно-оценочная (*прихватизация, дерьмократы, винопийство, подшефейный, дачелюбие, словообильный, третьемиризация, рубленок, тепеломои* и т. д.). К появлению множества окказионализмов, образованных в основном по аналогии с существующими в языке словами, привел отказ журналистов от бывших языковых штампов, либерализация газетной речи и стремление к более легкому разговорному стилю в публицистике (см. Ферм 1994, 91–100).

Намеренно мы здесь не останавливаемся на анализе новой иноязычной лексики, так как это массовое явление требует особого рассмотрения и оно было описано уже в многих работах. Ограничимся только констатированием, что причины употребления иноязычной лексики полностью объяснимы всеми указанными выше общими тенденциями развития современного русского языка. Однако главной внеязыковой причиной массивного употребления заимствований и иноязычной лексики следует считать общую ориентацию бывшего советского общества на Запад, что в первую очередь отразилось в СМИ.

Одновременно с процессом экспрессивизации можно наблюдать менее заметный обратный процесс стандартизации, проявляющийся главным образом в изменениях адъективно-субстантивной валентности и в постепенном закреплении в языке новых сочетаний слов, отражающих политические, экономические и социальные изменения в жизни общества. На смену застандартизованным в годы советской власти идеологемам, характерным для т. наз. «дубового языка» (*развитой социализм, социалистическая Родина, трудовые коллективы, братские народы* и т. д. – см. Дуличенко 1994, 99–114) приходят раньше немыслимые, табуизированные адъективно-субстантивные сочетания, называющие новые явления во всех областях жизни русского общества и быстро закрепляющиеся в языке (*частная собственность, рыночная экономика, акционерное общество, парламентские выборы, правовое государство, народный референдум* и др.). Таким образом, на синтагматическом уровне происходит новая стандартизация языка, обеспечивающая его равновесие и выполнение им номинативной и коммуникативной функции.

3. Последняя общая двусторонняя тенденция к экономии и изысканности проявляется в языке современной публицистики, с одной стороны, в упрощении структуры наименований в основном за счет универбации, с другой стороны, в растущем абсолютном количестве номинативных единиц и в усложнении смысловой структуры лексем при семантическом образовании слов. Все эти процессы связаны со «взрывом лексико-семантических и словообразовательных потенциалов» русского языка (см. Дуличенко 1994), вызванными упоминаемыми уже социальными потрясениями, начавшимися в половине 80-х годов. Показателем названного «взрыва» является активизация основных морфологических способов словообразования, к которым добавляются разного рода семантические словообразовательные процессы.

Долговременная тенденция к языковой экономии в языке СМИ наиболее заметно проявляется в активизации процессов универбации, наблюдающихся при различных способах словообразования с тем же конечным результатом: заменой аналитической номинативной конструкции цельнооформленной лексической единицей

(*кредитка* ← кредитная карточка, *компакт* ← компактный диск, *инофирма* ← иностранная фирма). Существует несколько видов универбации: а) суффиксальная, в которой активно участвует в основном суффикс *-к(а)*, реже *-ух(а)*, *-ик*, *-щин(а)* и др. (*валютка* ← валютный магазин, *бытовуха* ← бытовое убийство, *рыночник* ← сторонник рыночной экономики, *чрезвычайщина* ← чрезвычайная ситуация), б) композиционная, т. е. сложносокращенные слова различной степени редукции (*депкорпус* ← депутатский корпус, *компромат* ← компрометирующий материал, *спецназ* ← войска специального назначения, *автозак* ← автомобиль заключения). В последний период высокую активность в образовании универбатов проявляют аналитические смысловые единицы с определенными компонентами. Особенно выделяются универбаты с усеченным определителем от слов *государственный*, *демократический*, *иностранный*, *наркотический* (*госадминистрация*, *демпечат*, *инофирма*, *наркоделец*). Не снижается также активность таких первых компонентов сложносокращенных слов как *теле-* или *видео-* (*телепомощь*, *телепроповедь*, *видеопират*, *видеорынок*) (см. Ферм 1994, 54–67).

Проявлением тенденции к языковой экономии надо считать также появление семантических неологизмов, т. е. такой способ номинации, когда какой-то семантический компонент уже существующего слова «подходит» по своим признакам для номинации нового предмета или явления, и за словом постепенно закрепляется либо расширительное, либо метафорическое значение (*челнок* – 'начинающий бизнесмен', *абориген* – 'местный житель', *тиражировать* – 'воспроизводить', *крутой* – 'переходящий границу нормы', *обвал* – 'кризисное состояние'). Обращает на себя внимание то, что многие из новых значений таких слов несут в себе отрицательный оценочный заряд, в основном иронию и неодобрение по отношению к предмету сообщения (см. Ферм 1994, 38–49).

Вполне понятно, что все вышеуказанные процессы протекают не изолированно, а дополняют и даже обуславливают друг друга, будучи взаимосвязанными сложными языковыми и внеязыковыми отношениями. В своем изложении мы ограничились только наиболее типичными процессами, реализующимися в рамках упомянутых выше общих тенденций развития русской лексики в последний период.

В заключение хочется еще раз подчеркнуть, что в настоящее время языковеды приходят к выводу, что нет оснований беспокоиться о судьбе русского языка, как системы, а следует просто поднимать речевую культуру. Тревогу должно вызывать не состояние системы языка, а уровень языковых способностей и речевого поведения носителей языка, т. е. массовое косноязычие, производящее на многих впечатлительные национальные катастрофы (см. Ферм 1994, 153).

ЛИТЕРАТУРА

- ГОРАЛИК, Л.: Некоторые процессы в новейшей русской лексике. *Čs. rusistika* 34, 1989, 144–148.
- ДУЛИЧЕНКО, А. Д.: Русский язык конца XX столетия. *Slavistische Beiträge, Band 317*, Verlag Otto Sagner, München 1994.
- ФЕРМ, Л.: Особенности развития русской лексики в новейший период (на материале газет). *Studia Slavica Upsaliensia* 33, Uppsala 1994.
- КОЛЕСОВ, В. В.: Русская ментальность и развитие русского языка. *Russistik*, 1995, 20–25.
- ПРОТЧЕНКО, И. Ф., ЧЕРЕМИСИНА, И. В.: Лексикология и стилистика в преподавании русского языка как иностранного (динамика, экспрессия, экономия). Москва 1986, с. 5.

Jiří Gazda
Ústav slavistiky
Filozofické fakulty MU
Arna Nováka 1
660 88 Brno